

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Ф. МАЙРОВСКОГО «ФИЗИКА И «МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В.М. ЕФИМОВ,

доктор экономических наук,
независимый исследователь,
e-mail: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

Американский историк экономической мысли Филип Майровски явно недооценивается в России. Ни одна из его работ, среди которых большое количество статей и около десятка книг, не были до сих пор переведены на русский язык, а ссылки на его работы российских авторов также встречаются крайне редко. Надеюсь, что публикация перевода этой статьи Майровского положит начало более близкого знакомства российских экономистов с мыслями этого вдумчивого и честно-го профессионала.

Значение решения проблемы определения истоков неоклассической теории трудно переоценить. В настоящее время курсы микроэкономики, основанные на этой теории, являются центральными в университетском образовании экономистов. В современной России период замены изложения студентам марксистской политической экономии обучением экономической теории неоклассического толка можно считать завершенным. Если в 90–е гг. такое обучение велось в основном на базе переводных американских учебников, то теперь студентам предлагается колоссальное количество учебников, подготовленных отечественными авторами¹. Влияние неоклассической теории на содержание высшего экономического образования в России не ограничивается курсами экономической теории и микроэкономики. Оно сильно чувствуется в курсах макроэкономики, которые иногда объединяются с микроэкономикой [24; 26]. По существу сходные аналитические построения, истоки которых выявляются в публикуемой здесь статье Майровского, присутствуют в многочисленных российских учебниках по курсу «институциональная экономика», черпающих вдохновение в неоклассической по духу «новой институциональной экономической теории» [10; 13; 17]. Влияние это распространяется и на финансовую экономику [6]. Новаторства в области микроэкономики в стиле Боулза [4] не выводят преподавание экономической дисциплины из парадигмы, истоки которой анализируются Майровским.

Изучив как труды, переписку, так и биографические данные трех героев маржиналистской революции, Майровски блестяще показал, что неоклассическая теория есть не что иное, как переинтерпретация математических конструкций термодинамики середины XIX в. По его мнению, «маржиналистскую революцию» следовало бы переименовать в «маржиналистскую аннексию»: «Неоклассическая экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX века: полезность была переопределена так, чтобы занять место энергии» [43, Р. 17]. Знание хронологии событий и анализ трудов и биографий «героев» позволили Майровскому понять одновременность «открытия» неоклассической экономической теории в 1870–е и 1880–е гг.: «Мнимая тайна рассеивается после того, как становится понятным, что физика энергий проникла в некоторые учебники к 1860–м годам и быстро стала основной метафорой обсуждений в физическом мире. Не случайно, что, несмотря на совсем разные культурные и социальные влияния на европейских прародителей неоклассической теории, все они получили образование в области естественных наук. Влияние этого образования на их экономические писания совсем не было особенно тонким, и выявить его не представляет труда» [44, Р. 217]. Таким образом, возникновение неоклассической теории нужно рассматривать не как какое-то открытие в области экономической науки, а просто как совершенно

¹ В момент написания этого предисловия поисковая система интернет магазина OZON выдает информацию о 240 книгах по микроэкономике, абсолютное большинство которых являются учебниками и учебными пособиями, написанными российскими экономистами. Примерами таких книг могут служить [16] и [25].

произвольное наложение на социальную реальность аналитических построений, взятых из совершенно иной, ничего с ней общего не имеющей, области знания [30]. Майровски свидетельствует об очень низком уровне познаний в области физики и математики всех трех «первооткрывателей» маржинализма². Их использование термодинамической метафоры в своих теоретических построениях было чисто механическим. Вряд ли можно ожидать успехов в понимании реальных экономических явлений от направления экономической дисциплины, стартовавшего таким образом.

Вскрыв аналитические источники маржинализма, Майровски ни в этой статье, ни в книге, написанной на ее основе [44], не дает ответа на вопрос: почему неоклассика стала доминирующим направлением в экономической дисциплине? Этот вопрос тесно связан с другим: является ли неоклассика в чем-то очень важным продолжением классической политической экономии, стартовавшей с публикации «Богатства народов», или представляет собой полный разрыв с ней? Ответы на эти вопросы можно найти, если вывести исторический анализ за рамки сообщества экономистов, то есть применив «экстерналистский» подход, от использования которого в данной статье Майровски отказался. По существу, другой, также очень вдумчивый и ответственный, американский историк экономической мысли Роберт Хайлбронер в неявном виде дает ответы на оба эти вопроса, охарактеризовав современную экономическую дисциплину следующим образом: «Вклад современной экономической науки в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден <...> Но если экономическая наука настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична. Демонстрирующие олимпийское спокойствие теории выгодны в условиях любого социального порядка, но теория, сторонящаяся политики и социологии, может рассчитывать на особую благосклонность в рамках того общественного порядка, который гордится своим тесным родством с естественными науками. Природа самой этой привлекательности есть функция экономической науки, которой мы до сих пор не касались. Речь идет о ее *идеологической функции* (здесь и далее выделено мною — В.Е.) — не узкой апологетике, сознательно служащей лишь собственным интересам, но *мировоззренческой системе из числа тех, что сопровождают и поддерживают все социальные порядки. Назначение подобных идеологических систем заключается в том, чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчиненных элементов любого социального порядка.* Несомненно, что этот душевный покой всегда имеет легкий оттенок сомнения или привкус лицемерия, но, в конце концов, социальные порядки всех уровней нуждаются в некотором своде знаний и убеждений, которые можно было бы при случае пустить в ход. В первобытных обществах были свои мифы или толкования природы, в командных системах — свое священное писание. Для капитализма эту функцию выполняет экономическая наука, и хотя это не единственная ее задача, но и выполняет она ее отнюдь не тривиальным образом» [20, С. 53–54].

Мировоззренческая система, активно навязываемая обществу, сопровождающая и поддерживающая существующий капиталистический социальный порядок, представляет собой видение социального мира с точки зрения торговца: социальный мир при этом видении состоит из продавцов и покупателей; каждый торговец является в то же время и покупателем, приобретая нужные ему товары у других торговцев; цель жизни покупателей выражается в безграничном желании потреблять; продавец старается продать покупателям свои товары как можно дороже; торговцы конкурируют между собой и для того, чтобы продать свой товар, продавец вынужден установить цену ниже, чем у конкурента; свою торговую деятельность продавец проводит с целью максимизации прибыли, и всякая регламентация торговой деятельности может отрицательно сказаться на ее величине, откуда центральным требованием торговца к власти является *laissez faire*; согласно видению торговца, отсутствие этой регламентации может только положительно сказаться на общих результатах экономической деятельности всех продавцов и покупателей, так как невидимая рука рынка направляет личный интерес всех торговцев на увеличение продаж нужных покупателям продаваемых товаров; та же невидимая рука рынка справедливо распределяет доходы так, что каждый его участник получает по заслугам. Это видение излагалось

² Французский исследователь профессиональной деятельности Леона Вальраса отмечает, что он провалил вступительные экзамены в Политехнический институт (*Ecole Polytechnique*) и, три года проучившись на первом курсе Горного института (*Ecole des Mines*), так и не получил диплома о высшем образовании, а также, что он был жалким (*piètre*) математиком [32, Р. 18–19].

в трактатах классической политической экономии, и это же видение было одето Джевонсом и Вальрасом в математические одежды, заимствованные из термодинамики, что придало этому видению кажущуюся научность. Многочисленные публикации по истории экономической дисциплины, основанные на экстерналистском подходе, предоставляют многочисленные свидетельства³ навязывания влиятельными кругами национальным сообществам экономистов, а через них и всему обществу, именно этого видения⁴. Особенно активно это навязывание осуществлялось в период институционализации экономической дисциплины в европейских и американских университетах в конце XIX — начале XX вв. После окончания периода институционализации нужда в чрезвычайных мерах при таком навязывании во многом отпала, так как установленные правила функционирования профессии университетских экономистов, ориентированных на поддержание и распространение этого видения, поддерживались самими сообществами экономистов.

В середине XIX в. курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка. Вот что французский министр народного образования Виктор Дюрюи писал в 1864 г. в своем докладе Императору Наполеону III по поводу создания кафедры политической экономии на парижском факультете права: «В свое время Ваше Величество обратилось к руководителям национальной промышленности с призывом распространения среди занятых у них рабочих здоровых идей политической экономии. Вы, Государь, утверждали также, что обязанностью правительства является распространение этих важных идей, которые, по словам английского министра того времени, спасли Англию от социализма. Эту необходимость распространения идей политической экономии, провозглашенную Императором четырнадцать лет тому назад, страна полностью осознала сегодня. Общественное мнение требует заполнения досадного пробела в нашей системе общего образования, и несколько городов уже объявили организацию у себя курсов политической экономии» [32, Р. 43–44].

Быть «экономистом» в Великобритании XIX в. означало соответствовать определенной «социальной и политической культуре — откуда основание в 1843 г. журнала *The Economist*, нацеленного на поддержание дела свободной торговли» [56, С. 4]. Многие частные клубы, такие как основанный в 1821 г. «Лондонский клуб политической экономии» были организационными центрами для обсуждения и распространения «здоровых» доктрин, в особенности идеи свободной торговли» [31, Р. 402]. Адам Смит в своем «Богатстве народов» использовал много раз фразу «свободная торговля», но никогда *laissez faire*. Тем не менее, идеи свободной торговли и *laissez faire* поддерживают друг друга [41]. Свободная торговля, свободное предпринимательство, свободное передвижение людей и товаров — короче говоря, *laissez-faire* и беспрепятственное функционирование рынка — все это составляло важнейшую часть доктрины Смита [28, Р. 235; 3, С. 283].

В Великобритании и США XIX в. университеты, в отличие от Германии, еще не стали исследовательскими, и институционализация экономической науки в этих странах произошла в рамках университетов, несущих на себе многие черты средневековых. «Естественные науки были введены в британское университетское образование достаточно поздно, не ранее 1880–х годов», господствующее положение в ней на протяжении всего XIX в. занимала математика, которая рассматривалась как классическое наследие древних Греции и Рима [34, Р. 149]. В этой интеллектуальной атмосфере связь дисциплины с математическим методом, а не с экспериментальным была решающим признаком научного характера дисциплины. Для того чтобы заслужить такую характеристику, британские экономисты пошли по пути «последовательного исключения индуктивных и исторических элементов курса политической экономии, приведшего к господству дедуктивного метода» [34, Р. 149].

В США ситуация была аналогична британской. Гарвардский университет основали в 1639 г. как Гарвардский колледж, ориентированный на обучение пуританских священников. Университетское образование в Америке в первой половине XIX в. «было нацелено на обучение набожности и дисциплине», «первые учебники политической экономии были написаны священнослужителями», и

³ См. например [31; 35; 47].

⁴ Такое видение тесно связано с тем, что Джордж Сорос назвал рыночным фундаментализмом: «До сих пор самой мощной силой, действующей в пользу рыночного фундаментализма, является то, что он обслуживает интересы владельцев и менеджеров капитала. Распределение богатства принимается здесь как данность, и преследование собственных интересов рассматривается как служащее общим интересам. Что еще те, кто контролирует капитал, могут пожелать? Они представляют собой группу богатых и могущественных людей, имеющих возможность способствовать рыночному фундаментализму не только путем использования когнитивных аргументов, но и активно манипулируя общественным мнением» [51, Р. 86]. Систематической критике рыночного фундаментализма посвящена книга [29].

«распространенным было религиозное понимание экономической деятельности». В соответствии с этим пониманием «капитализм и законы политической экономии были в гармонии с Законом Божиим» [34, Р. 64]. Такого типа экономическая теория всячески приветствовалась американскими бизнесменами, которые в конце XIX в. все больше и больше заменяли священнослужителей в университетских попечительских советах: «Руководство университетов (президенты и члены советов) часто благоволили экономической теории как «гражданской религии» и видели в ней продолжение старых курсов по нравственной философии»⁵ [34, Р. 66].

Историк Мэри О. Фернер свидетельствует: «К середине 1870-х годов экономисты-сторонники *laissez-faire* укрепили свой контроль над дисциплиной в университетах. Экономика стала наукой о богатстве и полезным оправданием для предпринимателей, которые пожинали плоды растущей экономики. Право принадлежности к профессии экономиста связывалось с верностью системе *laissez-faire*, а не с полученным образованием или проявлением научных способностей <...> *laissez-faire* было больше, чем просто проверка экономической ортодоксии. Вера в *laissez-faire* использовалась в качестве критерия для решения вопроса о том, является ли данный человек вообще экономистом или нет» [35, Р. 39–40].

Необходимо иметь в виду, что в 1890–1910-х гг., как раз во время институционализации экономической науки, в США достаточно большое количество экономистов, не являющихся сторонниками *laissez-faire*, были подвергнуты преследованиям [34, Р. 79]. Политические атаки на экономистов побуждали их выбирать «безопасные» области и методы исследования. С этой точки зрения, неоклассическая экономическая теория, в особенности в ее математической форме, была такой идеальной безопасной областью. Вот почему неоклассическая экономическая теория стала «для американских экономистов притягательной исследовательской стратегией, особенно для молодого поколения экономистов, которым еще только предстояло обеспечить себе прочное положение» [34, Р. 79–80].

Вред преподавания студентам-экономистам неоклассической теории, «сторонящейся политики и социологии», не сводится только к ее познавательной бесплодности. Доминирование в обществе мировоззрения, основанного на видении торговцев, способствует его разрушению, так как координация в обществе обеспечивается не только и не столько столкновением интересов, сколько формальными и неформальными правилами, тесно связанными с моралью. В своей недавно вышедшей книге «Цена цивилизации» печально известный в России Джеффри Сакс утверждает, что необходимо изменить всю нашу экономическую культуру. Он считает, что «в основе экономического кризиса Америки лежит **моральный кризис** (выделено мною — В.Е): спад гражданских добродетелей среди политических и экономических элит Америки» [48, Р. 3]. На этот раз автор концепции шоковой терапии, безусловно, прав, и многочисленные опубликованные свидетельства, выплеснувшиеся на поверхность во время кризиса, подтверждают это. Многие неформальные нормы и убеждения экономических акторов непосредственно связаны с моралью, которая является очень важной частью механизма социального регулирования человеческого поведения. Основоплагающие элементы морали каждый индивид осваивает в молодости, в том числе во время учебы. Известный американский психолог Лоуренс Кольберг с 1955 по 1977 гг. проводил экспериментальные исследования по выявлению закономерностей в моральном развитии молодых американцев. Результатом его исследований стала его теория шести стадий морального развития.

На **первой** стадии ребенок рассматривает моральные требования буквально, а не исходя из их смысла. Быть морально хорошим означает слушаться тех, кто обладает над тобой властью, и тем самым, с одной стороны, избегать наказания, а с другой стороны, получать поощрения. На **второй** стадии своего морального развития ребенок определяет как хорошее то, что удовлетворяет его собственные потребности и при этом удовлетворение потребностей других рассматривается как средство для получения в обмен удовлетворения собственных. **Третья** стадия характеризу-

⁵ Такой взгляд на экономическую дисциплину характерен не только для прошлого. Некоторые современные экономисты, в том числе и лауреаты Нобелевской премии по экономике, открыто призывают сообщество академических экономистов к содействию в создании «гражданской религии»: «Эта книга представляет собой выражение надежды на то, что мы находимся на пути к зарождению новой «гражданской религии» — религии, которая отчасти возвратит нас к характерному для XVIII века скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на правилах, ограничивающих деятельность правителей, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» [5, С. 262]. Сейчас, после погружения мира в экономический кризис, вызванный дерегуляцией экономики, эти слова звучат воистину зловеще.

ется тем, что поведение рассматривается ребенком как хорошее, если оно нравится членам его непосредственного социального окружения (семья, друзья, знакомые сверстники). На **четвертой** стадии акцент делается на моральном взаимоотношении со всей социальной системой. Исполнение законов, а также уважительное отношение к действующему социальному порядку являются центральной точкой развития морали на этой стадии. На **пятой** стадии юноша или девушка начинают понимать, что закон и социальный порядок являются результатом определенного общественного договора, осознается потребность в правилах для достижения консенсуса. Убеждение предыдущей стадии в незыблемости закона и порядка заменяются на веру в необходимость ориентации права на социальную пользу. Наконец, **шестая** стадия, которая определяет уже уровень моральной зрелости, отождествляется с ориентацией на универсальные моральные принципы, следование которым определяется требованиями совести [36, Р. 40–46].

Теперь, если на основании недавно опубликованных свидетельств относительно поведения экономических агентов в финансовой сфере, мы проведем идентификацию их уровня морального развития на основании теории Кольберга, то легко определим, что этот уровень не очень высок. Что же случилось, выходит, что за 30–50 лет моральный уровень американцев, по крайней мере тех, кто связан с финансовым сектором, резко упал? Частично ответ на этот вопрос можно найти в книге «Суперкапитализм: трансформация бизнеса, демократии и повседневной жизни», написанной профессором государственной политики Калифорнийского университета в Беркли Робертом Рейчем, который в 1993–1997 гг. занимал пост министра труда в администрации Клинтона. По его мнению, начиная с 70–х гг. в Америке родилось то, что он назвал суперкапитализмом. В этой новой системе американцы получили дополнительные возможности как покупатели и инвесторы, но много потеряли как **граждане**. Институты, которые служили для защиты того, что граждане совместно считали для себя ценным, стали исчезать. Через систему лоббирования корпорации становились все более и более влиятельными в принятии решений относительно законов и правил. Таким образом, **суперкапитализм заменил демократический капитализм** [53, Р. 7]. Преподаваемая в американских университетах экономическая теория внесла важный вклад в эту трансформацию. **По существу, студентам–экономистам эта теория предлагает снизить уровень своего морального развития до уровня второй стадии.** Видение социальной жизни через неоклассическую призму, где каждый ищет в конечном счете только свою материальную выгоду, неизбежно ведет к отбрасыванию таких понятий, как **долг и ответственность**, что на практике приводит к различным формам аморального поведения и коррупции, проявляемых на разных уровнях социальной иерархии, начиная от самой низшей и кончая самой высшей.

Постсоветская Россия в 90–е гг. сразу встала на путь суперкапитализма, при котором россияне мало что получили как граждане, и сейчас стоит задача перехода от этого суперкапитализма к демократическому капитализму. Я позволю себе привести длинное высказывание Сороса, имеющее отношение к такому переходу: «Проблема принципал-агент была широко проанализирована экономистами, но они смотрят на нее исключительно с точки зрения контрактов и стимулов, и они в значительной степени игнорируют вопросы этики и ценностей. Тем не менее, если вы уйдете от этических соображений проблема становится неразрешимой. Такие ценности, как честность и порядочность, перестают управлять поведением людей, и люди становятся все более мотивированы экономическими стимулами. Объявив себя свободным от ценностей, рыночный фундаментализм фактически подорвал моральные ценности. В соответствии с ним рынки управляются невидимой рукой <...> На самом деле правила, управляющие финансовыми рынками, устанавливаются видимой рукой политиков и в представительной демократии политики сталкиваются с проблемой принципал-агент» [51, Р. 76]. Трактовка проблемы принципал-агент при обучении будущих бизнесменов и политиков, как это сейчас делается в экономических курсах, **неизбежно способствует поддержанию и даже развитию коррумпированности действующей системы.**

В своей недавней книге «Крутое пике» Джозеф Стиглиц пишет про экономистов: «Вместо представителей научной дисциплины они становятся самыми активными участниками группы поддержки капиталистического свободного рынка» [19, С. 288]. Стиглиц считает, что «если Соединенные Штаты собираются добиться успеха в реформировании своей экономики, то им, возможно, придется начать с реформирования экономической науки» [там же]. Важнейшим направлением этого реформирования должно стать существенное повышение уровня морального развития экономистов. Сейчас этот уровень, по классификации Кольберга, колеблется **между вторым и четвертым**. Члены сообщества работают не для того, чтобы понять что-то, а пишут статьи и книги

для того, чтобы быть положительно оцененными этим сообществом. Свидетельством нахождения членов сообщества академических экономистов, по уровню своего морального развития соответствующему третьей стадии, может служить следующее высказывание Пола Самуэльсона: «Мы, экономисты, работаем, прежде всего, для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя» [18, С. 12]. Как удачно сформулировал В.С. Автономов, «методология науки призвана быть ее совестью — моральным кодексом профессии» [1, С. 12] и она должна соответствовать самой высшей **шестой стадии морального развития**.

В настоящее время переход российских экономистов с преподавания марксистской политической экономии на изложение студентам неоклассической экономической теории рассматривается как разрыв с темным прошлым профессии, обслуживавшей тоталитарный режим, и присоединение к «международному научному сообществу экономистов» с его неоспоримыми научными стандартами. Публикуемая здесь статья Майровского показывает, насколько далекими от действительно научных являются эти стандарты, а недавно вышедшая книга «Дорога из Мон–Пелерэн. Как была распространена неолиберальная мысль» [46], соредактором которой был Майровски, посвящена уяснению роли «международного научного сообщества экономистов» в восхождении идеологии неолиберализма, которая и привела, по терминологии Рейча, к суперкапитализму. Таким образом, российские университетские преподаватели экономических дисциплин, порвав с одним темным прошлым, тут же, присоединившись к «международному научному сообществу экономистов», пришли к темному настоящему обслуживания суперкапитализма **вместо служения российскому обществу с его стремлением к демократическому капитализму**. Публикации этой книги предшествовала его развернутая рецензия на книгу Брюса Колдуэлла «Вызов Хайека». В этой рецензии он показывает, что «ключ к пониманию поворотов и разворотов в его мысли находится в его политике, а не, как это преподносит Колдуэлл, в некоторых абстрактных философских доктринах. Центральным местом в этом тезисе является содействие Хайека развитию неолиберализма через такие организационные структуры, как общество «Мон–Пелерэн» (*The Mont Pelerin Society*)» [45, Р. 351].

Фридрих Хайек внес огромный вклад в подъем рыночного фундаментализма, создав в 1947 г. общество «Мон–Пелерэн». Он пригласил ряд университетских профессоров, в основном экономистов, но также и некоторых историков и философов, встретиться в Мон–Пелерэн (Швейцария) для того, чтобы обсудить «состояние и возможную судьбу классического либерализма и способы борьбы «с господством государства и марксистским или кейнсианским планированием, которые охватили весь земной шар»⁶. В книге «Дорога из Мон–Пелерэн. Как была распространена неолиберальная мысль» указывается, что общество «Мон–Пелерэн» было нацелено на то, чтобы превратить университеты в площадки преподавания, коллективного изучения либеральной доктрины и ее продвижения в жизнь [46, Р. 5]. Хайек оставался президентом этого общества до 1961 г., а в 1974 г. он был удостоен премии Центрального банка Швеции (*Sveriges Riksbank*) в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля, основателя Нобелевской премии. Обычно ее называют «Нобелевской премией по экономике», но в действительности она не имеет ничего общего с завещанием Альфреда Нобеля, согласно которому «премия [должна быть присуждена] тем, кто в течение предыдущего года принес наибольшую пользу человечеству». Мы можем даже предположить, что наиболее выдающиеся промоутеры рыночного фундаментализма были удостоены этой награды за свою деятельность в качестве президентов Общества Мон–Пелерэн (Фридрих Хайек: президент в 1947–1961 гг., лауреат Нобелевской премии 1974 г.; Милтон Фридман: президент в 1970–1972 гг., лауреат Нобелевской премии 1976 г.; Джордж Стиглер: президент в 1976–1978 гг., лауреат Нобелевской премии 1982 г.; Джеймс Бьюкенен: президент в 1984–1986 гг., лауреат Нобелевской премии 1986 г.; Гэри Беккер: президент в 1990–1992 гг., лауреат Нобелевской премии 1992 г.)⁷.

По–видимому, поднятие Хайеком на щит Менгера нужно понимать также с точки зрения его политической деятельности. Журнал *Terra Economicus* недавно опубликовал полемическую статью Густава Шмоллера [21] по поводу книги Менгера «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [15]. Вот как охарактеризовал эту книгу Хайек: «Возможно, эта книга — больше, чем какая–либо другая, — способствовала прояснению особого характера научного метода в социальных науках и оказала огромное влияние на профессиональных «методоло-

⁶ URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Mont_Pelerin_Society

⁷ В настоящее время Филип Майровски вовлечен в проект исследования истории становления и механизмов функционирования присуждения премии Центрального банка Швеции в области экономических наук памяти Альфреда Нобеля.

гов» среди немецких философов. Но мне, во всяком случае, кажется, что ее основное значение для современного экономиста заключается в необычайно глубоком понимании природы социальных явлений ...» [14, С. 28]. Тот, кто познакомился с идеями, выраженными в вышеуказанной статье Шмоллера, может быть, задумается о методологии, которой сам Хайек следовал в своих работах. Оценка Хайеком Менгера сильно контрастирует с оценкой, данной ему Майровским в публикуемой в этом номере журнала *Terra Economicus* статье: «Менгер не имел ни малейшего представления о математическом анализе»; «внимательное чтение его главных работ свидетельствует о том, что он не был знаком с физикой того времени, однако несмотря на эти несоответствия требованиям, Менгер начал уничтожительную атаку на немецкую историческую школу в своей работе «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности», главным образом посвященную заявлению о том, что его оппоненты не понимают природы «точной науки»; «слабые и неубедительные заявления Менгера о том, что тот продвигает методы «точных исследований Ньютона, Лавуазье и Гельмгольца», обнаружили его невежественность, наспех замаскированную напыщенностью»; «он порочил эмпиризм, не указывая конкретно, против каких практик он выдвигал возражения. Его концепция науки была строго аристотелевской, и он не обращал внимания на тот факт, что ученые его времени эту концепцию отвергли. Наоборот, он приводил ссылки на их имена, чтобы вызвать больше доверия».

В этом предисловии, конечно, не место обсуждать спор о методах (*Methodenstreit*) между Менгером и Шмоллером, тем более, что я уже имел возможность высказаться об этом споре ранее на страницах *Terra Economicus* [7]. Однако необходимо заметить, что именно возрождение традиций школы Шмоллера, которую не совсем удачно продолжают называть исторической, а правильнее было бы назвать этической⁸ [21; 22; 23; 49], может превратить экономическую профессию в познавательно продуктивную и социально полезную [8; 9]. Как известно, американский институционализм, особенно в форме Висконсинского институционализма Джона Коммонса [54; 11; 12], был непосредственным продолжением этической школы Густава Шмоллера. Обоим школам удалось найти адекватную социальным исследованиям онтологию и эпистемологию. Немецкая историческая школа сделала это, отталкиваясь от герменевтики Шлейермахера и Дильтея, а американский институционализм апеллировал к философии прагматизма Пирса и Дьюи. Связь американского институционализма с прагматизмом была хорошо показана Майровским [42] и Резерфордом [55]. Конструктивизм [2] впитал в себя идеи прагматизма, а Дьюи был не так уж далек от конструктивизма [40]. Философия позднего Витгенштейна [57], по существу, есть не что иное, как конструктивистское развитие синтеза прагматизма и герменевтики [37]. Именно социальный конструктивизм и должен быть положен в основу современной экономической науки [8], которая должна заменить в российских университетах преподаваемую неоклассику, основанную на примитивной философии науки, пропитанной картезианством, берущим свое начало из схоластики [50].

Герменевтика, прагматизм, а затем и выросший из них конструктивизм позволили сформулировать видение общества, альтернативное его видению с точки зрения торговцев, на котором основана неоклассическая экономическая теория. Густав Шмоллер, вступая в 1897 г. в должность ректора Берлинского университета, в своем программном докладе, посвященном экономической науке, противопоставлял развиваемую его школой экономическую науку как классическому с неоклассическим, так и марксистскому направлениям этой дисциплины: «Экономическая наука (*Volkswirtschaftslehre*) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала превратиться в орудие класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений, связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и помещает в центр (сердце) науки не мир благ и капитала, а снова человека» [49, С. 202–203]. На самом деле видение общества немецкой историко-этической школой соответство-

⁸ Сам Хайек называет школу Шмоллера именно так [14, Р. 14]. Ричард Эли, прошедший обучение в Германии, также использовал этот термин [27, Р. 37] и характеризовал немецкую этическую школу следующим образом: «Новая политическая экономия больше не позволяет науке быть использованной как орудие в руках жадных и алчных для подчинения и угнетения трудящихся классов. Она не признает ни *laissez-faire* в качестве оправдания отсутствия действий, когда народ голодает, ни вседостаточности конкуренции как предлога для изнурения бедных. Она означает возврат к великому принципу здравого смысла и христианского наставления. Любовь, великодушие, благородство характера, самопожертвование и все то, что есть лучшего и самого правильного в нашей природе, должно найти свое место в экономической жизни» [33, Р. 64].

вало видению, зафиксированному в «Декларации прав человека и гражданина» — выдающегося документа Великой французской революции 1789 г., современным продолжением которого являются «Международный пакт о гражданских и политических правах» и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. и вступивших в силу десятью годами позже. В этих документах рассматривается весь спектр прав человека и гражданина, а именно, права личные, политические, социально-экономические и культурные. Экономическая наука не должна игнорировать ни один из видов прав из этого спектра.

Традиция, основанная немецкой историко-этической школой, была позже подхвачена в США и получила название институционализма. Если институционализм в американской экономической науке был полностью подавлен, то он сохранил свое влияние в таких социальных дисциплинах, как социология и политическая наука. Видение общества, которому следует исторический институционализм в политической науке⁹, может служить образцом для экономистов. Исторические институционалисты пытаются объяснить конфликты за обладание ресурсами не как противостояния групп, а исходя из того, что институциональная организация политического сообщества и экономические структуры входят в конфликт таким образом, что некоторым интересам отдается предпочтение в ущерб другим. Они считают, что именно институциональная организация политического сообщества является основным структурирующим фактором коллективного поведения. Государство рассматривается ими не как нейтральный арбитр между конкурирующими интересами, но как комплекс институтов, который способен структурировать природу и результаты конфликтов между группами. Большое внимание институционалисты этого направления уделяют тому, как институты распределяют власть неравным образом между различными социальными группами. Вместо мира индивидов, свободно заключающих контракты, они видят мир, где институты предоставляют определенным группам или интересам слишком большой доступ к процессу принятия решений. Вместо того, чтобы искать, в какой мере некоторая данная ситуация выгодна всем, они настаивают на том, что одни социальные группы могут оказаться выигрывающими, а другие проигрывающими. Но что действительно составляет специфику исторического институционализма, так это его привязанность к концепции зависимости от пройденного пути, а отсюда и неизбежной контекстности исследований. Теоретики этой школы различают в потоке исторических событий периоды непрерывности и критические ситуации, когда происходят важные институциональные изменения, своего рода бифуркации, которые корректируют траекторию исторического развития. Исторические институционалисты представляют мир более сложным, чем мир индивидуальных предпочтений институционалистов рационального выбора, взявших свои основополагающие идеи из новой институциональной экономической теории¹⁰. В частности, они уделяют большое внимание взаимосвязям между институтами, идеями и убеждениями или верованиями. Важно отметить, что интерпретативно-исторический институционализм, наряду с понятиями «идеи» и «институты», активно использует понятие «интересы», просто последнее в них является равноположенным с двумя другими¹¹.

В последние годы исторический институционализм был доминирующим направлением исследований в области сравнительной, то есть межстрановой, политической экономии. Совсем недавно

⁹ В своей характеристике исторического институционализма я буду следовать статье [38].

¹⁰ Новая институциональная экономическая теория, в отличие от институционализма Шмоллера и Коммонса, с методологической точки зрения совсем не является «новой», так как соответствует старой неоклассической версии экономической науки с ее старой же и традиционной (нововременной) методологией. Иными словами, в новой институциональной экономической теории произошел возврат к классической парадигме неоклассики, и, с этой точки зрения, она принадлежит скорее к «старой» экономической науке, а не к «новой». Правильнее было бы определять два вида институционализма в экономике не как «старый» и «новый», а как исторический институционализм (*historical institutionalism*) и институционализм рационального выбора (*rational choice institutionalism*), что и сделали американские политологи, и в этом случае все встает на свои места. Такого типа терминологические изменения необходимо сделать в дискурсе тех, кого не устраивает придание прилагательным «новая» ложного ореола новаторства направлению, которое, обретя колоссальное влияние, на самом деле тянет сообщество академических экономистов в схоластику и светскую теологию. На рубеже XIX и XX вв. в США и Англии немецкую историко-этическую экономическую науку, рожденную в новых немецких исследовательских университетах, называли новой в противовес классической и неоклассической версиям этой науки.

¹¹ Примером использования одновременно всех трех понятий в институциональном исследовании может служить статья П. Холла «Движение от кейнсианства к монетаризму: институциональный анализ и британская экономическая политика в 1970-е годы» [52, с. 90–113]. В 1970-е гг. британская экономика переживала сильную инфляцию, которая весной 1975 г. достигла 25%, и, одновременно, общую стагнацию производства с высоким уровнем безработицы. В значительной степени движение к монетаризму было откликом на плохое функционирование экономики и неспособность кейнсианской политики исправить положение. Различие интересов относительно этих двух политик проявлялось в поддержке организациями рабочего класса кейнсианской политики, а представителями капитала, и особенно финансового капитала, — монетаристской политикой.

это лидерство стало оспариваться родственным направлением, получившим название дискурсивного институционализма, создателем которого является профессор Бостонского университета Вивьен Шмидт. Разделяя в основном исследовательские установки исторического институционализма, она все же считает, что он не обращал достаточного внимания на идеи и убеждения и на процессы их циркуляции, то есть дискурсы. Это не всегда сильно сказывается при изучении стационарных состояний, но может создать серьезные трудности при изучении институциональных изменений. В статье, опубликованной в хрестоматии «*The Oxford Handbook of Political Institutions*» («Оксфордское руководство по политическим институтам»), Колин Хэй [39] предлагает назвать институционализм, о котором фактически говорит Вивьен Шмидт, *конструктивистским институционализмом (constructivist institutionalism)*. Институт он определяет как «кодифицированную систему идей и практик, которые они поддерживают» [39, Р. 58]. Конструктивистский институционализм подчеркивает не только *институциональную*, но и *идейную* зависимость от пройденного пути. Институты строятся на основании идей, которые дают свой собственный эффект зависимости от пройденного пути, сказываясь на последующем развитии. Таким образом, конструктивистский институционализм пытается установить, как и в какой степени принятые идеи кодифицируются и служат когнитивными фильтрами, через которые акторы интерпретируют внешние сигналы. При этом выясняется и то, при каких условиях эти установленные когнитивные фильтры и парадигмы оспариваются и изменяются [39, Р. 65].

Я считаю, что экономистам следовало бы принять для своего направления, использующего дискурсивный подход, термины «конструктивистский институционализм» и «конструктивистская институциональная экономика». Конструктивистская институциональная экономика, как я ее понимаю, отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность (поток экономической деятельности) есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Эти последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных, и, конечно, вес более влиятельных в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, базирующимися в свою очередь на в основном разделяемых ими убеждениях и верованиях (идеях и ценностях). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше, чем менее влиятельные, возможностей изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила и убедить менее влиятельных участников в правоте новых идей и верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен, изучая дискурсы акторов, нацелить свое внимание на то, чтобы понять, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит. Именно на основании подобного видения и работала школа Джона Коммонса по реформированию американской экономики. Филип Майровски пишет по поводу этой школы следующее: «Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были в первой половине XX века делом рук Коммонса и его студентов» [42, Р. 1027]. Очень надеюсь, что когда-нибудь про российских последователей Шмоллера и Коммонса смогут сказать нечто подобное применительно к России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. За что экономисты не любят методологов. // В кн.: Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики»; 11–16. 2004.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
3. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб: Экономикс, ГУ ВШЭ, 2009.
4. Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело; АНХ, 2011.
5. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа. 2005.
6. Виноградов Д.В., Дорошенко М.Е. Финансово-денежная экономика. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
7. Ефимов В.М. Спор о методах и институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3. С. 18–36. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/300/885/1219/journal5.3-3.pdf>.

8. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I. Иная методология экономической науки // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 3. С. 15–53. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/05/31/1234590204/ecsoc_t12_n3.pdf#page=15.
9. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // *Вопросы регулирования экономики*. 2011. Т. 2. № 3. С. 8–91. URL: <http://institutional.narod.ru/papers/yefimov.pdf>.
10. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория // Под общ. ред. А.А. Аузан. М.: ИНФРА-М, 2011.
11. *Коммонс Дж.* Институциональная экономика // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007. Т. 5. № 4. С. 59–70. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/505/883/1219/journal5.4-8.pdf>.
12. *Коммонс Дж.* Правовые основания капитализма. М.: ГУ ВШЭ, 2011.
13. *Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М.* Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
14. *Менгер К.* Основания политической экономии. М.: ИД «Территория будущего», 2005.
15. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // В [14, С. 289–495], 2005.
16. *Нуреев Р.М.* Курс микроэкономики. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2011.
17. *Одинцова М.И.* Институциональная экономика. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
18. О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами // Под ред. П. Самуэльсона, У. Барнетта. М.: Сколково, 2009.
19. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО, 2011.
20. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS*, 1993. вып. 1. С. 41–55.
21. *Шмоллер фон Г.* К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 3. С. 31–49. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/26/1267244108/Terra%209.3-4.pdf>.
22. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство. Наука о народном хозяйстве и ее методы, М.: Либриком, 2012.
23. *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М.: Либриком, 2012.
24. Экономическая теория // Под ред. А.И. Добрынина и Л.С. Тарасевича. СПб.: Питер, 2010.
25. Экономическая теория. Вводный курс. Микроэкономика // Под ред. И.Е. Рудаковой. М.: ИНФРА-М, 2008.
26. Экономическая теория. Полный курс // Под ред. Т.В. Чечелевой. М.: Либриком, 2010.
27. *Bateman B.W.* Clearing the Ground: The Demise of the Social Gospel Movement and the Rise of Neoclassicism in American Economics // In [44]. 1998. P. 29–52.
28. *Blaug M.* Great Economists before Keynes. London: Whitesheaf Books Ltd, 1986.
29. *Boldeman L.* The Cult of the Market: Economic Fundamentalism and its Discontents. Canberra, Australia: ANU E Press, The Australian National University, 2011.
30. *Carlson M. J.* Mirowski's Thesis and the «Integrability Problem» in Neoclassical Economics // *Journal of Economic Issues*. 1997. Vol. 31. No. 3. P. 741–760.
31. *Coats A.W.* The Sociology and Professionalization of Economics. British and American Economic Essays. 2. London and New York: Routledge, 1993.
32. *Dumez H.* L'économiste, la science et le pouvoir : le cas Walras. Paris : PUF, 1985.
33. *Ely R. T.* The Past and the Present of Political Economy, Marston Baltimore: Johns Hopkins University, 1884.
34. *Fourcade M.* Economists and Societies. Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2009.
35. *Furner M. O.* Advocacy & Objectivity: A Crisis in the Professionalization of American Social Science 1865–1905. Lexington, Kentucky: University Press of Kentucky, 1975.
36. *Garz D.* Lawrence Kohlberg — An Introduction. Opladen & Farmington Hills, MI: Barbra Budrich Publishers, 2009.
37. *Goodman R.B.* Wittgenstein and William James. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
38. *Hall P.A., Taylor R.C.R.* Political Science and the Three Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936–957.
39. *Hay C.* Constructivist Institutionalism // In: Rhodes R. A. W., Binder S. A., Rockman B. A. (eds). *The Oxford Handbook of Political Institutions*. New York: Oxford University Press. 2006. P. 56–74.
40. *Hickman L.A., Neubert S., Reich K.* (eds). *John Dewey Between Pragmatism and Constructivism*. New York: Fordham University Press, 2009.
41. *Lal D.* Free Trade and Laissez-Faire. Working Paper Number 823. Department of Economics, University of California, Los Angeles, 2002.
42. *Mirowski Ph.* The Philosophical Bases of Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 1001–1038.
43. *Mirowski Ph.* Against Mechanism. Protecting Economics from Science. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1988.

44. *Mirowski Ph.* More Heat than Light. Economics as Social Physics: Physics as Nature's Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
45. *Mirowski Ph.* Naturalizing the market on the road to revisionism: Bruce Caldwell's *Hayek's challenge* and the challenge of Hayek interpretation // *Journal of Institutional Economics*. 2007. Vol. 3. No. 3. P. 351–372.
46. *Mirowski Ph., Plehwe D.* (eds). *The Road from Mont Pèlerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
47. *Morgan M.S. and M. Rutherford* (Eds.). *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism*. Durham and London: Duke University Press, 1998.
48. *Sachs J.* *The Price of Civilization. Economics and Ethics after the Fall*. London: The Bodley Head, 2011.
49. *Schmoller G.* *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998.
50. *Secada J.* *Cartesian Metaphysics. The Scholastic Origins of Modern Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
51. *Soros G.* *The Soros Lectures at the Central European University*. New York: PublicAffairs, 2010.
52. *Steinmo S., Thelen K., Longstreth F.* (eds). *Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
53. *Reich R.* *Supercapitalism. The Transformation of Business, Democracy, and Everyday Life*. New York: Alfred A. Knopf, 2007.
54. *Rutherford M.* Wisconsin Institutionalism: John R. Commons and his Students // *Labor History*. 2006. Vol. 47. No. 2. P. 161–188.
55. *Rutherford M.* *The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
56. *Tribe K.* *Historical Schools of Economics: German and English* // *Keele Economics Research Paper*. 2002. No. 2.
57. *Wittgenstein L.* *Philosophische Untersuchungen. Philosophical Investigations*. Chichister, UK: Wiley–Blackwell. Русский перевод: *Витгенштейн Л.* *Философские исследования*, М.: АСТ: Астрель, 2011.